

Елена Казанцева

Ты мой защитник

УДК 82-3
ББК 84-4
К14

Казанцева Е.

К14 Ты мой защитник / Елена Казанцева. – М.: Литнет, 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-521-94776-8

Муж ей изменил, но сказал, что она его устраивает и разводиться он не будет. Его любовница живет в их доме, спит с ним в постели и чувствует себя хозяйкой. Рокси же на правах Золушки: Подай, принеси, воспитывай детей и знай свое место.

Она не знала, что делать и как поменять все обратно. Но тут убивают сводного брата мужа. И все улики указывают на неё. Адвокат семьи советует ей сознаться. Но она знает, что невиновна.

Пока она сидит в камере СИЗО, муж подает на развод, оставляя её ни с чем, буквально на улице, забирает детей и улетает с любовницей в Китай.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94776-8

© Литнет, 2026

© Казанцева Е., 2026

Пролог

За несколько месяцев до событий

Нашу семейную жизнь не назовешь идеальной. Мы ссорились, мерились, выясняли отношения. И это не потому, что я склочная и стервозная. Просто я хотела построить семью так, как я её видела. Хотела построить такую семью, чтобы нашим детям было хорошо и комфортно, чтобы в их памяти, когда они вырастут, осталась добрая память и приятные воспоминания.

У нас ведь все было хорошо? Или нет?

Все началось в тот день, когда я случайно среди ночи вышла попить воды.

Света в коридорах не было. И я на ощупь шла в сторону кухни. Говорят, что в темноте обостряется слух. Вот и до меня донеслись чей-то тихий смех и звуки поцелуев, а потом стон. Стон был такой сладострастный, что сомнения в том, что сейчас происходит на верхней площадке второго этажа, а звук шёл именно оттуда, у меня сразу исчезли. Я тихонько прокралась вперед и заглянула в просвет между перилами.

На верхнем этаже, в отличие от нижнего, горел тусклый свет, освещающий лестницу. И увидела его.

Никогда бы не подумала на Никиту. Его отец был любвеобильный ловелас. Ни одна более или менее симпатичная горничная не прошла мимо его рук. Он цеплялся к каждой женщине и девушке. Некоторые били его по рукам и оставались работать. Другие поддавались искушению, и тут же вылетали из дома, потому что его вторая жена конкуренток убирала сразу.

И я ожидала увидеть Сергея Ивановича с его очередной поллюбовницей, но увидела своего мужа.

Он стоял у перил и тискал свою секретаршу Даяну. Как все убого и предсказуемо. Даяна хихикала и извивалась в его руках, а потом

они начали целоваться в засос. Он так терзал её рот, мне казалось, что он высосет все её виниры.

– Что тут происходит? – я постаралась придать своему голосу больше уверенности и твердости, хотя внутри у меня все тряслось от ужаса осознания, что муж мне изменяет.

– Рокси? – удивленно воскликнул муж и задвинул свою любовницу за спину. – Ты чего не спишь?

– Ты, я смотрю, тоже не спишь, – я попыталась посмотреть на него с вызовом и добавить в свою речь язвительности, вот только мне это не удалось.

Муж тяжело вздохнул и кивнул Даяне: Подожди меня в кабинете.

А сам спустился вниз. Спускался он медленно, вальяжно, будто ничего не произошло. На меня смотрел так, словно я только мелкая букашка, собачонка, что твякнула невпопад.

– Пошли на кухню, поговорим, – он больно схватил меня за локоть и потащил за собой.

– Мне больно, – попыталась вырваться я.

– Потерпишь, – огрызнулся он.

Он втолкнул меня в кухню и включил свет. Белые неоновые лампы залили пространство холодным светом. Сейчас тут никого не было. Прислуга в нашем доме исчезала в девять вечера, сразу после ужина. Дежурная горничная сидела тихо в каморке, её вызывали звонком. Поэтому мы были совершенно одни.

– Ты мне изменяешь? – напала я на мужа первой.

– Рокси, ты хорошая жена, хорошая мать, родила мне троих детей, ты меня всем устраиваешь, кроме постели. Ты же бревно! Холодная севрюга! Ты просто доска с дуплом! Мне нужна другая женщина: горячая, раскованная, способная удовлетворить мужчину. В общем, расклад такой, ты живешь на всем готовом, нигде не отсвечиваешь, мы ходим с тобой на приемы, но спать я буду с Даяной.

– Ничего себе! А меня ты спросил, нужно ли все это мне?

– Не нравится, катись в свой барак, я с тобой разведусь, шиш ты у меня получишь, да я тебе такую травлю устрою, что ты свалишь из города, – Никита говорил, и с каждым словом в его голосе все больше звучала угроза. – Ты кто? Никто! Нищая учительница рисования! Да я так сделаю, что тебя никто на работу брать не будет, ты у меня на паперти стоять будешь, прося монетку.

– Ты совсем мозгами поехал? Или они у тебя в трусы стекли? – возмущаюсь я.

– Поехал – не поехал, а жить будем, как я сказал. У тебя три дня на обдумывание. Не нравится, собираешь манатки и катишься в свой барак. Только детей ты больше не увидишь, запомни! Я у тебя их отсужу.

– Ты совсем с ума сошёл, я только Настю родила? Она ещё на грудном вскармливании.

– Да мне похер, на смеси перейдет, няню найму, а ты пойдешь лесом. И любой суд встанет на мою сторону. У меня есть баблo, а у тебя его нет, – рывкает на прощание мне в лицо муж и уходит.

Слышу, как скрипят наверху двери, тихие шаги в тишине, женский смех, а потом хлопают двери его спальни.

И я замираю. Он меня унизил! Просто растоптал!

Хочется схватить чемодан, распахать туда вещи и уехать из этого ненавистного дома, но у меня трое детей мал мала меньше. Это непросто сделать. И самое страшное, что он может воплотить свои угрозы в жизнь. Ведь у меня даже своего жилья нет. Тот барак, где у меня комнатка, не то место, куда можно привезти детей. Да и зарплата учителя рисования – это не те деньги, на которые можно содержать троих детей.

И что мне делать? Утереться? Ждать, когда у мужа пройдут потрахушки?

В эту ночь я ничего не решила. Лежала до утра, не сомкнув глаз, смотрела в потолок и молилась, чтобы утром не увидеть, как он будет провожать свою любовницу.

Но бог не проявил ко мне свою милость.

Когда я вышла к завтраку, то за столом сидели свекор со свекровью, муж и Даяна. Дети, слава богу, позавтракали раньше нас. И мне не пришлось отвечать на их вопросы, а те могли возникнуть.

– Доброе утро, – мне пришлось взять себя в руки, даже не в руки, а в железные перчатки.

Все в разной позе поздоровались. И я села рядом с мужем, словно за столом и не было Даяны. Та бросила на меня снисходительный взгляд. Свекровь смотрела, источая яд, в её глазах просто полыхала ненависть, она меня не любила. Свекор смотрел в тарелку, ел, громко чавкая и не обращая ни на кого внимания. Муж никак не отреагировал, просто сухо пожелал мне приятного аппетита.

Есть не хотелось. Я чуть поковырялась вилкой в салате, извинилась и ушла. Я думала, что на этом все мои унижения кончились. Но нет!

Через час ко мне постучались в двери, я оставила детей и вышла. За дверями стояла Даяна.

– Тебе мало того, что ты спишь с моим мужем, ты еще и ко мне пришла?

– Да не кипятись ты, – усмехнулась она. – Он все равно мой будет.

– Так забирай его себе, ты я вижу, любишь все бывшее в употреблении.

– А ты меня не зли, а то хуже будет, я тебя по полной программе опущу, будешь мне ноги мыть, – Диана стояла на высоких каблуках, как на ходулях, покачиваясь вперед назад, и смотрела на меня свысока. В действительности она была очень маленького роста, и её ножки не отличались особой длинной, поэтому она всегда была на высоченных шпильках.

– Пытаешься свои комплексы агрессией прикрыть?

– Нет, хочу тебя предупредить, чтобы ты не дергалась, тогда, возможно, он тебе при разводе отдаст твоих отпрысков. Знаешь,

ночная кукушка дневную перекукует. Я многое могу. Будешь мне палки в колеса вставлять, я тебя со света сживу.

- Я так понимаю, что ты не уверена в своих способностях.
- Я всегда уверена.
- Тогда к чему этот разговор?
- Ну, ты меня поняла? На этом все.

Она развернулась и пошла по коридору, виляя тощими бедрами. А я смотрела ей в след и думала, какую игру затеяла Даяна?

Глава 1. В СИЗО

Я сижу в кабинете следователя, куда меня доставили прямо из дома, и ничего не понимаю. Меня обвиняют в нанесении тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть! Как это может быть?!

Разве я могла нанести ему удары по голове? И кому?

Ивану Осташкову! Он сводный брат моего мужа. Прекрасный парень, лучший в мире брат, мой друг, как я могла его убить? Именно Иван заступался за меня, когда у меня возникли конфликты с семьей мужа, помогал мне во всем. Иван хвалил мои картины, помог с работой. Он был мне ближе, чем брат! И он убит.

Дом перерыт, все кверху ногами. У нас искали улики.

Меня забрали, даже не дав попрощаться с детьми.

– Чистосердечное признание смягчает вину, напишите чистосердечное, может свести все к аффекту, срок будет небольшой, у вас трое детей, выйдите быстро по УДО, – бубнит следователь и толкает мне под руку пустой лист с ручкой. Он давит, запугивает, ломает.

А у меня в голове вертится только одна мысль: Ваньки с нами больше нет!

И я могу лишиться детей! Своих троих детей!

Прокручиваю тот вечер в голове и никак не могу понять, когда Ваньку убили. Мы же вот только с ним расстались у крыльца. Я поспешила в сторону остановки, а он...

Что сделал он?

А следователь все бубнит и бубнит про чистосердечное признание.

- Но я не убивала Ивана, – почти кричу я.
- Против вас улики, – не унимается следователь.
- Какие улики? – таращу на него глаза, ничего не понимая.

– Вот, – и он выкладывает фото на стол. – Этот пуховик узнаете?

– Да, он похож на мой пуховик.

– Этот пуховик был изъят из гардероба в вашем коттедже, на нем следы крови Осташкова и ваши потожировые следы. А вот это узнаете?

Я смотрю на фото моих белых варежек с орнаментом.

– Ваша экономка, Кукушкина Георгина Львовна, подтвердила, что эти варежки принадлежат вам, на них кровь Осташкова. А вот видео с камеры слежения на ваших воротах.

И он включает просмотр видео на планшете. Там видно, как выходит Иван, ещё живой и здоровый, идет в сторону кольцевой дороги. А потом выбегаю я.

И тут я вспоминаю этот момент, спешила к такси, машина уже подъехала и ждала у главных ворот на въезде в коттеджный поселок. Иван же должен был уехать на своей машине, она стояла на общей стоянке.

– За углом Ивану проломили череп пятью ударами молотка, – спокойно вещает следователь.

На этом месте мне становится плохо. Он подает мне стакан воды, и пока я держу стакан трясущимися руками, он продолжает дальше экзекуцию, хотя видит, что от его слов мне все хуже и хуже. Руки трясутся, а в голове полный сумбур, вязкая слюна скопилась во рту. Я могу упасть в обморок. От слов следователя, от картинок с уликами веет ужасом, я даже во рту ощущаю вкус крови.

– Мы пересеклись у дороги, – пытаюсь втолковать я следователю. – Он забыл шарф, развернулся и пошёл обратно, а я села в такси и уехала.

– Но камеры не засекли его возвращения, как такое может быть? Значит, он не вернулся, хотел, но вернуться не успел, потому что в этот момент вы его ударили по голове молотком. Потом сели в такси и уехали.

– Но вы же можете у таксиста узнать время, когда я села в такси!

– Узнали, у вас была фора, вы могли успеть нанести пять ударов и бегом запрыгнуть в такси.

– Я не могла убить близкого мне человека.

– Ой, не говорите ерунды, тут вон дочь мать ножом замочила, двенадцать ударов нанесла, тоже слезы лила, что не могла, потом призналась, – следователь настырно сует мне бумагу и ручку.

Но я отказываюсь. Я не убийца.

– Тогда кто убийца? – задает резонный вопрос следователь.

– Действительно, кто?

Дома в этот момент были только отец мужа, мачеха, экономка и я. И не у кого из присутствующих нет мотива для убийства. Сергею Ивановичу далеко наплевать на сына своей второй жены, у них нет не совместного бизнеса, никаких дел. Люсинда – мать Ивана, не будет же в трезвом разуме родная мать убивать своего сына. Ну, экономке это совсем незачем. Остаюсь я.

Только зачем мне убивать Ивана?

– Вот постановление о вашем задержании ознакомьтесь, – сует мне под нос бумагу следователь. Потом зачитывает права, а я с ужасом смотрю на документ.

– Но у меня же дети, младшей дочери только девять месяцев, – робко говорю я.

– Вас задержат до суда, суд рассмотрит улики и вынесет решение, – в голосе следователя слышится усталость, ему хочется домой, поэтому он равнодушно сбрасывает с плеч это дело. Ему все равно, что будет со мной и моими детьми.

Меня уводят в СИЗО.

А через неделю ко мне приходит адвокат семьи и приносит документы на развод.

Сначала у меня шок. Я дрожащими руками беру документы в руки и читаю. Строчки прыгают перед глазами, мельтешат черными мухами буквы, страницы слипаются и не хотят перели-